

**К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ЛЕКСЕМ
С ПОЛНОГЛАСИЕМ И НЕПОЛНОГЛАСИЕМ
В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ**

Чжан Хайфэн

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 985623430@qq.com*

На основе анализа функционирования слов с полногласием и неполногласием автор выявил и описал пять основных ситуаций употребления полногласных и неполногласных лексем в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. В докладе рассмотрены следующие ситуации: 1) чередование слов-вариантов в целях избегания повтора и для благозвучия текста; 2) выбор лексемы в зависимости от объекта повествования («свой–чужой»); 3) выбор лексемы в соответствии с оттенками семантики лексем; 4) выбор лексемы в зависимости от тематики фрагмента текста; 5) употребление лексемы в определенной предложно-падежной конструкции.

Ключевые слова: полногласие; неполногласие; «Повесть временных лет»; Лаврентьевский список.

**ДА ПЫТАННЯ АБ УЖЫВАННІ ЛЕКСЕМ
З ПОЎНАГАЛОССЕМ І НЕПАЎНАГАЛОССЕМ
У «АПОВЕСЦІ МІНУЛЫХ ГАДОЎ»
ПА ЛАЎРЭНЦЬЕЎСКІМ СПІСЕ**

Чжан Хайфэн

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, 985623430@qq.com*

На аснове аналізу функцыянавання слоў з паўнагалоссем і непаўнагалоссем аўтар выявіў і апісаў пяць асноўных сітуацый ужывання паўнагалосных і непаўнагалосных лексем у «Аповесці мінулых гадоў» па Лаўрэнцьеўскім спісе. У дакладзе разгледжаны наступныя сітуацыі: 1) чаргаванне слоў-варыянтаў у мэтах пазбегнуць паўтарэння і для мілагучнасці тэксту; 2) выбар лексемы ў залежнасці ад аб'екта апавядання («свой–чужы»); 3) выбар лексемы ў адпаведнасці з адценнямі семантыкі лексем; 4) выбар лексемы ў залежнасці ад тэматыкі фрагмента тэксту; 5) ужыванне лексемы ў пэўнай прыназоўнікава-склонавай канструкцыі.

Ключавыя словы: паўнагалоссе; непаўнагалоссе; «Аповесць мінулых гадоў»; Лаўрэнцьеўскі спіс.

В древнерусском литературном языке полногласие является признаком восточнославянского происхождения слова, а неполногласие – старославянского. Анализ контекстов употребления лексем с полногласием и неполногласием и установление функционально-семантических особенностей последних позволяет понять, как происходило развитие древнерусского литературного языка. Цель данного доклада – объяснить выбор древнерусским автором полногласной или неполногласной лексемы в тексте «Повести временных лет» (далее – ПВЛ); показать, как во взаимодействии живого восточнославянского языка и книжной церковнославянской традиции формировался русский литературный язык в древнерусский период.

ПВЛ, как и другие древнерусские произведения, существует в нескольких списках. В данном докладе анализируется самый древний, Лаврентьевский список (далее – Л-список); иногда для подтверждения выводов сравниваются разночтения из Радзивиловского, Академического и Ипатьевского, Хлебниковского, Погодинского списков¹.

Объектом нашего исследования являются те слова, которые образуют пары по полногласию и неполногласию, но в данной публикации мы ограничимся анализом только слов, основа которых начинается на букву *В*. Корпус анализируемого материала мы представили в виде 8 пар лексем, среди которых 5 пар существительных, 3 пары глаголов: *владѣти*⁵ – *володѣти*⁶, *власть*²⁶ – *волость*¹¹, *вrabиш*¹ – *воробии*⁶, *врагъ*²⁵ – *ворогъ*¹, *врань*¹ – *воронь*¹, *врата*¹¹ – *ворота*⁵, *вратитисѧ*¹ – *воротитисѧ*⁶, *выволочи*¹ – *извлеци*¹ (индекс указывает на частотность употребления слов). Анализ показал, что частотность использования автором неполногласных слов в анализируемом корпусе составляет 71 словоупотребление, в то время как частотность использования полногласных слов – 31 словоупотребление. Как видим, количество лексем с неполногласием более чем в два раза превышает количество лексем с полногласием. Рассмотрев словоупотребление данных слов-вариантов, мы выделили пять типов ситуаций употребления слов с полногласием или неполногласием и объяснили с точки зрения семантики (включая грамматическую семантику) и функционирования выбор летописцем той или иной лексемы.

---

¹ Древнерусская литературная традиция в разные времена отличалась, однако существовали общие закономерности, существовавшие еще в старославянских текстах, на которые опирались древнерусские летописцы и переписчики, поэтому сравнение разночтений при необходимости из других списков способствует корректной иллюстрации выводов. В нашем докладе примеры приводятся по: [1, с. 1–286], где представлены разночтения из Радзивиловского и Академического списков. Разночтения из Хлебниковского и Погодинского списков сравниваются по: [2, с. 1–285].

Ситуация 1. Чередование слов-вариантов с целью избегания повтора и для благозвучия текста. В данном случае оба слова (с полногласием и неполногласием) для летописца семантически и функционально эквивалентны, поэтому автор использует одно вместо другого, чтобы избежать повтора в тексте. Цель данного типа авторских употреблений, по мнению И. С. Улуканова, «литературная отделка своих сочинений» [3, с. 123]. В первом примере, когда автор рассказывает о полянах и их жизни, он сначала употребляет *володѣти*, потом *владѣти*: **Подем же жившемъ ѡсобѣ и володѣющемъ. и роды своими. иже и до сее братьѣ баху Полане. и живаху кождо съ своимъ родомъ. и на своихъ мѣстѣхъ. владѣюце кождо родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ.** Зоб. В Ипатьевском списке наоборот – сначала употребляется *владѣти*, а потом *володѣти*. Такой тип свободного употребления, на наш взгляд, подтверждает гипотезу о том, что автор стремится избегать повтора в тексте. Вторым примером – употребление пары *власть* – *волость* в договоре князя Игоря с греками. В этом эпизоде употребляется то слово *волость*, то слово *власть*¹. Эта пара чередуется 2 раза: **входяще же Русь в [г]радъ. да не имѣють волости купити. паволокъ лише по. н. золотникъ 12об., да не имѣють власти зимовати оу стго Мамы. 12об., да не имать волости князь Рускии. да воюеть на тѣхъ странахъ. 13, и да не имѣють власти Русь. зимовати въ вустыи Днѣпра Бѣлѣбережи. ни оу сѣтго Ельферья. 13.** Третий пример – чередование слов *вратиши* – *воробиши*: **голуби же и воробьеѡ полетѣша въ гнѣзда своя. ѡви въ голубники. вратѣѡ же жи подъ стрѣхи 17.** Косвенно подтверждает факт отнесения данной пары к первой ситуации и то, что во всех других списках ПВЛ лексема *вратиши* заменена на лексему *воробиши*. Стремлением избежать лексического повтора мы также объясняем употребление в одном контексте слов *воронь* – *врань*²: **и рече по-смихатаса Исакию. ѡно ти сѣдитъ врань черныи. иди ими и. ѡн же**

¹ Возможно, это обусловлено темами повествования, о чем мы будем говорить далее: употребление слова *волость* связано с темами торговли и войны, для раскрытия которых характерно использование русизмов, а употребление слова *власть* – с описанием зимовки у церкви. В Ипатьевском списке ПВЛ чередование *волость* и *власть* в тех же контекстах сохраняется, но не совпадает очередность: в первых двух предложениях сначала употребляется слово *власть*, а потом *волость* и далее снова *власть*. В других списках ПВЛ употребляется только лексема *власть*, что вполне логично. По нашему мнению, здесь вероятнее всего присутствует чередование лексем с целью избежать повтора.

² На наш взгляд, употребление слова *воронь* в фрагментах, где ранее использовались исключительно церковнославянизмы, странно. Однако в данном контексте присутствует метафора: ворон в христианстве олицетворяет дьявола, сатану. В описываемом

поклонивъса кмѹ до землѣ. шедъ га ворона и принесє кмѹ предо всѣми повары. 65об.

Ситуация 2. Выбор полногласной и неполногласной лексемы в зависимости от объекта повествования. Повествуя об иноплеменниках (варягах, греках, половцах, хазарах и др.), автор обычно употребляет неполногласные слова; повествуя о восточнославянских племенах, автор может употреблять и полногласные, и неполногласные слова. Т. Н. Кандурова проанализировала употребление неполногласных и полногласных слов-вариантов *градъ*, *страна* и *городъ*, *сторона* в прямой речи персонажей ПВЛ и пришла к выводу, что «если неполногласное слово-вариант было в равной степени соотносимо с представлениями как о “своем”, так и “чужом” городе, стране, народе, языке и т. п., т. е. было и в данном случае словом немаркированным, то полногласное слово-вариант было соотносимо в первую очередь с представлением о “своем”, русском, городе, стране» [4, с. 93]. Наши наблюдения подтверждают этот тезис. В вышеприведенном примере, описывая жизнь полян, автор употребляет и *владѣти*, и *володѣти*. Очевидно, что здесь оба варианта семантически абсолютно эквивалентны для автора. Но если слово *власть* может употребляться применительно и к чужой (*ни на власть Корсѹньскѹю*. 22об.), и к своей земле (*и бѹди ва^м кдина власть Перемѣшьль*. 92об.), то слово *волость* используется только при описании своей земли, то есть употребляется для уделов русских князей. Если в повествовании есть описание своего и чужого народов, то автор предпочитает неполногласное слово-вариант для описания чужого народа, а для своего – полногласное: *тако и си владѣша а послѣже самѣмъ владѣють такоже бы^с володѣють Козары Рѹсьскии до дншнго дне*. боб. Похожую ситуацию наблюдаем и в контексте: *Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани. и почаша сами в собѣ володѣти*. 7, *Аскольдо же. и Диръ. встаста въ градѣ семь. и многи Варяги скѹписта. и начаста владѣт Польскою землею*. 7об. В данном контексте присутствуют оба слова, но когда автор рассказывает о действии своего народа, то употребляет древнерусский глагол *володѣти* и местоимение *собѣ*, а когда речь идет о представителях варягов – Аскольде и Дире, то

эпизоде повар посылает Исакия за *враном* будто к дьяволу, поскольку ранее Феодосий спас Исакию от дьявола. Когда Исакий приносит повару ворона, летописец, таким образом, через метафору показывает внутреннюю победу Исакия над дьяволом: в тексте дьявольский *вран* превращается в обыкновенного *ворона*. Заметим, что чередование *врань* – *воронь* присутствует также в Хлебниковском и Погодинском списках. В Радзивиловском и Академическом списках ПВЛ в данном контексте употребляется только лексема *воронь*, в Ипатьевском списке наоборот – употребляется только лексема *врань*.

автор употребляет церковнославянские *владѣти* и *градѣ*. Описывая возвращение греческого царя, автор однократно употребляет глагол *вратитиса*: *и вратиса црь* 7об., а при описании всех случаев возвращения русских князей использует только глагол *воротитиса* (например, *и воротиса Двдъ*. 91).

Ситуация 3. Выбор полногласной или неполногласной лексемы в соответствии с оттенками семантики лексем. В данном случае речь пойдет об употреблении слов с полногласием и неполногласием, расхождение в семантике которых наблюдается уже в древнерусском литературном языке, что, соответственно, приводит к различению контекстов употребления данных лексем. О. В. Творогов в статье о взаимодействии русизмов и церковнославянизмов отметил, что «наиболее бесспорным фактором, влияющим на выбор русского или старославянского варианта, является закрепление за каждым из них определенного значения» [5, с. 210]. Общепризнанно, что церковнославянизмы в большей степени склонны к развитию большого количества значений, особенно отвлеченных, чем восточнославянизмы¹. Например, слово *врагъ* в религиозных контекстах употребляется в значении ‘дьявол’: *а врагъ сѣтовашеться* 52, а у слова *ворогъ* такого значения не отмечено. Слово *власть* имеет три основных значения в тексте: ‘владычество, господство’, ‘территория, земля’, ‘право что-то делать’. А *волость* не имеет первого значения в данном материале. Интерес, на наш взгляд, представляет также пара слов *выволочи* – *извлеци*: *кго же дѣтица въволокоша рѣболове въ неводѣ*. 55об., *единѣ ею извлекъ мечь пронъзе и къ срѣцю*. 46. В древнерусских памятниках у первого слова существует только значение ‘вытащить что-то тяжелое’, а у второго, кроме этого значения, есть еще значение ‘вынуть оружие, меч, нож’, причем в последнем значении лексема более употребительна, чем в первом. Мы считаем, что второе значение пришло из церковнославянских текстов, и закрепилось в древнерусском языке как устойчивое словосочетание.

Ситуация 4. Выбор полногласной или неполногласной лексемы в зависимости от тематики фрагмента текста. В прямой речи недуховенства (неканонизированные князья, простой народ т. д.) преобладает употребление полногласных слов, а в авторских рассказах и речах в том числе похвалах, наставлениях, в библейских отступлениях, переводных

---

¹ Т. Н. Кандаурова пишет о том, что «некоторые слова с полногласном в корне книжниками XI–XIV вв. могли употребляться для выражения отвлеченных значений даже в произведениях книжно-славянского типа языка (*верема, волость, берема, норовъ, борошьно, морокъ*)» [6, с. 17]. Анализ корпуса нашего фактического материала показывает, что церковнославянизмы более склонны развивать отвлеченное значение, нежели восточнославянизмы.

частях летописи, речах святых и духовенства обычно употребляются лексемы с полногласием¹. Это объясняется тем, что, как правило, русизмы употребляются в народно-разговорном типе языка, а церковнославянизмы – в книжном, поскольку имеют возвышенный оттенок. В контексте **Рѣша сами в себѣ. поищемъ себѣ князѣ. иже бы володѣлъ нами... да поидѣте княжити и володѣти нѣми.** 7 дважды употребляется глагол *володѣти* в речи славян, в авторском тексте используется церковнославянское местоимение *себѣ*, а в прямой речи славян – древнерусское *собѣ*; глагол *владѣти* ни разу не используется в прямой речи. Также во всех случаях употребления лексемы *волость*, оно только один раз появилось в авторской речи: **поиде Двдъ хотѣ переяти Василкову волость.** 89об., а слово *власть* в авторской речи встречается 11 раз; лексема *ворогъ* употребляется только в прямой речи: **то есть ворогъ Русьстѣи земли.** 76, в то время как слово *врагъ* лишь 3 раза появилось в конструкциях с прямой речью².

Ситуация 5. Употребление полногласной или неполногласной лексемы в определенной предложно-падежной конструкции. В тексте ПВЛ по Л-списку все случаи употребления слова *врата* фиксируются либо в цитатах: **во врагѣхъ же градныхъ.** 18, **взоренъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея.** 26, **да хвалитъ во вратѣ мужъ ея.** 26, и **тѣ створишася врата мѣдѣна.** 85об., либо во фрагментах о важных для Руси исторических событиях, где в целом в контексте употребляются только церковнославянизмы: **оу негоже града сѣтъ Златага врата.** 51об., **Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ.** Ѡ Стрежени и шга врата. 67об., **пре^а враты монастырьскими.** **высѣкоша врата монастырю.** 77. Слово *ворота* только один раз последовательно употребляется в тексте договора с греками: **одинѣми вороты.** 12. В остальных случаях оно используется во фрагментах церковной тематики: **оу негоже града сѣтъ Златага врата... и посемь црквь на Золотыхъ воротѣхъ.** 56об. На первый взгляд может показаться, что здесь реализуется первая ситуация, однако далее в тексте обнаруживаются такие примеры: **видѣ се како толпа поиде Ѡ воротъ.** 64об., **заложи црквь на воротѣхъ городскихъ.** и **посемь ста^а Андрѣга.** 8 цркве. Ѡ воротъ. 70. В Ипатьевском

¹ Иногда эта тенденция нарушается, и в тексте неполногласные слова могут присутствовать и в прямой речи «простого» человека, а полногласные слова могут присутствовать в прямой речи святого.

² В речах неканонизированных князей Василька и Володаря: **но на врагъ сво" ... а любо дайтг врагъ наша.** 90 и князя Святополка Изяславича: **врази наша побѣжгни бгша.** 95.

списке в этих контекстах слово *ворота* заменено на *врата*, что вполне логично. Ф. П. Филин считает, что «обычно маркированными следует считать те корреляты, которые попадают в другую языковую среду» [7, с. 271–272]. Проанализировав ПВЛ, Ф. П. Филин обнаружил, что «с предлогом *по* обычно выступает полногласный вариант *город-*, в особенности в единственном числе; полногласная форма обычная также и в родительном падеже множественного числа: *городъ, городовъ*, наоборот, в родительном падеже с предлогом *отъ* почти всегда стоит неполногласный вариант – *от града*, в местном падеже с оттенком общелокального значения, когда имя существительное играет роль обстоятельства в предложении, также в подавляющем большинстве случаев употребляется *въ градъ, въ градъхъ*, **независимо от содержания текста летописных статей и их происхождения**. С предлогом *на* употребляется только неполногласная форма *брьг-*, с предлогом *отъ* полногласная *берег-*» [8, с. 123–124]. Л. М. Устюгова и Е. Н. Бекасова подтвердили это наблюдение; рассмотрев употребление лексем *брьгъ / берегъ* в разных списках ПВЛ, они выявили, что в Л-списке эти лексемы обычно появляются в предложно-падежных конструкциях *на брегъ* и *отъ берега*. Л. М. Устюгова и Е. Н. Бекасова считают, что «указанные конструкции первоначально входили в состав устойчивых словосочетаний-штампов (словосочетаний-клише), построенных по модели “глагол + предлог + существительное”, а впоследствии обособились и стали функционировать самостоятельно ввиду того, что позицию 1-го компонента в таких словосочетаниях могли занимать разные глаголы» [9, с. 100]. В приведенных выше четырех примерах слово *ворота* два раза сочетается с предлогом *отъ*, два раза сочетается с предлогом *на*. Мы считаем, что такие сочетания являются устойчивым. Что же касается слова *врата*, то оно три раза употребляется с предлогом *въ*, причем употребляется исключительно в библейских цитатах. Мы думаем, поскольку церковнославянское предложно-падежное сочетание *во вратъхъ* часто используется в библейских отступлениях, то древнерусская лексема *ворота* в сознании древнерусских авторов уже не могла сочетаться с предлогом *въ*, ей оставалось сочетаться только с предлогами *на* и *отъ*.

Таким образом, проанализировав корпус фактического материала, мы обнаружили в ПВЛ по Л-списку пять типовых ситуаций, в которых древнерусский автор разграничивает употребление церковнославянских неполногласных лексем и древнерусских полногласных: 1) чередование слов-вариантов в целях избегания повтора и для благозвучия текста; 2) выбор лексемы в зависимости от объекта повествования («свой–чужой»); 3) выбор лексемы в соответствии с оттенками семантики лексем; 4) выбор лексемы в зависимости от тематики фрагмента текста; 5) употребление лексемы в определенной предложно-падежной конструкции. Продолжение исследования (в данной публикации мы ограничились словами на букву *В*) может выявить новые

типовые ситуации, что позволит уточнить высказанное нами мнение о выборе автором и переписчиком древнерусского текста полногласной или неполногласной лексемы.

Библиографические ссылки

1. Полное собрание русских летописей. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. Репринт. с изд. 1926–1928 гг., 2-е изд. / под ред. Е. Ф. Карского М. : Языки русской культуры, 1997.

2. Полное собрание русских летописей. Т. 2 : Ипатьевская летопись / отв. ред. В. И. Буганов. Репринт. с изд. 1908г., 2-е изд. / под ред. А. А. Шахматова. М. : Языки русской культуры, 1998.

3. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М. : Азбуковник, 2002.

4. Кандаурова Т. Н. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи // Пам-ки древнерусск. письменности. Язык и текстология : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т русского языка ; отв. ред.: В. В. Виноградов. М. : Наука, 1968. С. 72–94.

5. Творогов О. В. К вопросу об употреблении старославянизмов в «Повести временных лет» // ТОДРЛ : АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) ; ред. : Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М. ; Л. : АН СССР, 1963. Т. 19. С. 208–214.

6. Кандаурова Т. Н. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласиями в памятниках XI–XIV вв. // Пам-ки древнерусск. письменности. Язык и текстология : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т русск. яз. ; отв. ред. : В. В. Виноградов. М. : Наука, 1968. С. 7–18.

7. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М. : Наука, 1981.

8. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). М. : 1949.

9. Бекасова Е. Н., Устюгова Л. М. Лексемы *брегъ* / *берегъ* в списках «Повести временных лет» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. № 2. С. 95–106.